

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Сокращения и глоссарий	15
Введение	18
Пространство и идентичность в городе ГУЛАГа	25
От города ГУЛАГа до моногорода	30
Источники и резюме	34
Глава 1. От окраины к тылу. Воркута как форпост	37
Колонизация Усинского отделения: Воркута в начале тридцатых	39
«Политизация», террор и реорганизация, 1936–1940	50
Подготовка к войне	66
Война и восстание	77
Заключение: от колонии к тылу	91
Глава 2. Спасти Ленинград, основать Воркуту.	
Лагерь и город во время войны	95
Жизнь, смерть и труд в военном Воркутлаге	98
Патронаж и привилегии в Воркутлаге времен войны	108
Рождение города	117
Воркутяне для Воркуты	125
Заключение	132
Глава 3. В поисках «нормальности».	
Воркута в период послевоенного сталинизма	137
Продовольствие, поощрения и стабилизация	141
«Расцвели номера»	148
Строительство моногорода	160
«Нормальность» подрывают	170
Заключение	176
Глава 4. Воркута в кризисе. Реформа и ее последствия	180
Реформа и кризис в Воркуте	183
Забастовка 1953 года в Речлаге	194
Начало и распространение забастовки в Речлаге	196
Мы против них?	200
Комитеты и комиссии	206
Конец забастовки	214
Заключенные без границ	218
Из лагеря в город, «из рабов в крепостные»	228

Глава 5. «Второе рождение» Воркуты.	
Формирование моногорода	233
В поисках «постоянных кадров»	236
Мотивы	246
Интеграция и тревоги	254
Строительство моногорода	264
Насколько «постоянные»?	269
Навстречу «второму рождению» Печорского угольного бассейна	273
Изготовление «человеческого компота»	276
Глава 6. Из заключенных в граждане?	
Бывшие заключенные и трансформация Воркуты	280
Массовые освобождения	283
Отношение к заключенным	290
Стремление к реабилитации	300
Дискриминация на работе	304
Почему Воркута?	312
Заключение: бывшие узники и моногород	318
Эпилог	323
Воркута в кризисе	326
Депопуляция и социальный распад	330
Новый моногород?	333
Память и мемориализация	339
Приложение А. Данные о заключенных	348
Приложение В. Данные о незаконченных	364
Приложение С. Данные о добыче угля	367
Избранная библиография	368
Указатель имен	381

ВВЕДЕНИЕ

Шахта — айсберг. Ученые утверждают, что айсберг только одна пятая своей громады, а четыре пятых коварно прячется под водой.

Незванный советский писатель.

[Цит.: *Гринер В. С. Последние дни бабьего лета (1975)*]

21 декабря 1961 года Воркутинский городской исполнительный комитет (горисполком) принял решение, кардинально изменившее ландшафт одного из крупнейших арктических городов Советского Союза. В тот день горисполком постановил убрать памятник Сталину с его пьедестала на Московской площади, одной из центральных городских площадей (ил. 1). Когда эту бронзовую статую увезли, на ее место поставили памятник бывшему главе партийной организации Ленинграда Сергею Кирову, который ранее располагался на площади в нескольких кварталах отсюда¹. Теперь памятник Кирову возвышался на площади на пересечении Московской улицы и улицы Горняков, в самом сердце города, посреди его архитектурных достопримечательностей — образцов сталинского неоклассического стиля. Почти двадцать лет Сталин царил над площадью, а теперь исчез из поля зрения. Его отправили на хранение на городской металлургический завод, чтобы впоследствии переплавить.

Решение убрать памятник Сталину не было неожиданным, и инициатива исходила не от местных жителей. Оно было принято в рамках десталинизации, проводившейся в правление сталинского преемника Никиты Хрущева. Памятник сняли после решений XXII съезда КПСС, проходившего в Москве в октябре 1961 года. На этом съезде Хрущев возобновил критику Сталина, начатую им пятью годами раньше в так называемом «секретном

¹ История стройки // Заполярье. 2001. 26 июня. Киров был убит в 1934 году. Дискуссия об убийстве и спорах вокруг него: *Lenoe M. E. The Kirov Murder and Soviet History*. New Haven: Yale University Press, 2010.

Ил. 1. Памятник Сталину на Московской площади в Воркуте, 1958 год.
Публикуется с разрешения Воркутинского музейно-выставочного центра

докладе» на XX съезде КПСС¹. Тело Сталина вскоре удалили из мавзолея на Красной площади, где оно лежало рядом с Лениным с 1953 года, и похоронили недалеко у Кремлевской стены. Хотя новая могила оставалась доступной для публики, это перезахоронение было явным ритуальным понижением в ранге. В последующие месяцы были переименованы улицы, заводы и даже целые города, названные в честь Сталина. Памятники

¹ О «секретном докладе» (1956) и возобновлении критики на XXII съезде КПСС см.: *Dobson M. Khrushchev's Cold Summer: Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. Chaps. 3, 7.

вождю сносили по всей стране. Таким образом, замена Сталина на Кирова в Воркуте являлась местным проявлением общегосударственной кампании.

Как возобновление хрущевской критики Сталина на XXII съезде партии должно было установить новый стабильный постсталинский порядок, так и удаление Сталина с его места на главной площади Воркуты должно было маркировать начало новой эпохи¹. Несомненно, это событие выглядит важным историческим рубежом, разделяя два очень непохожих воплощения этого города. В своей первой жизни Воркута была одним из самых смертоносных лагерных управлений советского ГУЛАГа, системой тюрем, лагерей, колоний и спецпоселений, служивших неотъемлемой частью советской государственности². Лагерь в Воркуте основали в начале тридцатых годов в качестве небольшого отдаленного форпоста на берегах реки Воркуты, что явилось первой попыткой систематической эксплуатации богатых залежей Печорского угольного бассейна — крупнейшего месторождения угля в Европейской России. В конце тридцатых и начале сороковых годов это место стало одним из самых быстрорастущих и самых губительных лагерных комплексов в Советском Союзе. Воркутинский лагерь (более известный как Воркутлаг) и его близнец Речной лагерь (более известный как Речлаг) жили за счет неиссякаемого (как казалось) источника заключенных и ненасытной потребности в угле во время войны и послевоенного восстановления промышленности. К середине пятидесятих годов через их ворота прошло около полумиллиона заключенных. В Воркутинском лагерьном комплексе содержали тех, кто считался самыми опасными преступниками в Советском Союзе, в условиях крайне суровых даже по меркам ГУЛАГа. Даже по собственным документам

¹ *Dobson M. Khrushchev's Cold Summer. Chaps. 3, 7.*

² Общий обзор ГУЛАГа как учреждения: *Barnes S. A. Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society. Princeton: Princeton University Press, 2011. P. 16–27.* (В последние годы вышли три значимые обзорные работы о сталинской уголовно-исполнительной системе. *Barenberg A. The Gulag: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2024; Hardy J. The Soviet Gulag: History and Memory. London: Bloomsbury Publishing, 2023; Cadot J., Elie M. Histoire du Goulag. Paris: La Découverte, coll. Repères, 2017.* О ГУЛАГе в компаративном аспекте см.: *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, Comparison / Ed. by M. David-Fox. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2016. — Прим. научн. ред.)*

ГУЛАГа, которые обычно преуменьшают смертность, с 1942 по 1954 год там умерло как минимум 20 тысяч заключенных¹.

Но Воркута была не только лагерным комплексом. Она стала и советским моногородом (*company town*). Город был официально образован в 1943 году, а через десять лет, к моменту смерти Сталина, в нем находилось примерно столько же человек, сколько в лагерном комплексе. В 1961 году, когда убрали памятник Сталину, в Воркуте жило уже больше 183 тысяч человек — это был крупнейший город в Коми АССР². В число горожан входили не только бывшие заключенные и ссыльные, но и молодые наемные работники со всего СССР, обслуживавшие новый важный источник угля для Северо-Западной России. К 1965 году в угольных шахтах этого региона добывали чуть больше 12 миллионов тонн каменного угля в год³. В 1975 году закончили постройку крупнейшей угольной шахты в Европе, «Воргашорской», с планируемой производительной мощностью в 4,5 миллиона тонн угля в год⁴. К тому времени Воркута стала желанным местом для тех, кто стремился воспользоваться социальным лифтом, поскольку различные пособия и премии позволяли получить достойную пенсию после сравнительно небольшой выслуги лет. Сам город стал чем-то вроде витрины советского образа жизни: Воркута в качестве процветающего промышленного города в тундре была призвана воплощать поразительные достижения СССР в освоении Крайнего Севера.

Эти два воплощения Воркуты часто трактуют как отдельные сущности. Взять хотя бы «Энциклопедию Республики Коми» 2001 года, где «Воркута» и «Воркутинский лагерь НКВД — МВД СССР» описаны в двух отдельных, никак не пересекающихся статьях⁵. На некоторых уровнях такой подход вполне правомерен,

¹ Эта оценка основана на официальной статистике смертности в 1942–1947 и 1949–1954 годах. См. Приложение А, таблицы А.6.1 и А.6.2.

² См. Приложение В, таблицу В.1.

³ См. Приложение С, таблицу С.1.

⁴ Воркутауголь // Ред. В. Давыдов. Сыктывкар: ОАО Коми республиканская типография, 2001. С. 16; *Гринер В.* Последние дни бабьего лета. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1975.

⁵ Республика Коми. Энциклопедия / Ред. М. П. Рощевский. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1997. Т. 1. С. 318–320, 324–325.

поскольку город Воркута и лагерный комплекс были полностью отделены друг от друга, по крайней мере на бумаге — с разными «жителями» и разными учреждениями, — и занимали разные географические пространства¹. Кроме того, два периода истории Воркуты отделялись друг от друга единовременными политическими, социальными и экономическими переменами. К этим переменам относились отказ от массового террора, освобождение миллионов узников ГУЛАГа и фундаментальная трансформация советской системы лагерей. Перенос памятника Сталину в 1961 году свидетельствовал о ряде перемен и реформ после смерти Сталина в 1953 году, значительно изменивших Воркуту. Город в 1961 году мало напоминал самого себя десятилетней давности.

Но между двумя сторонами Воркуты существовала и значительная преемственность. Люди, учреждения и практики связывали эти два периода и размыкали границы, казавшиеся непроницаемыми. Десятки тысяч заключенных покинули Воркуту после освобождения из лагерей в пятидесятых годах и никогда больше не возвращались, но тысячи других остались рабочими в новом моногороде. Многие осели в городе надолго. Даже к началу XXI века в Воркуте все еще проживала небольшая, но значимая группа бывших заключенных. Преемственность сохранялась и между учреждениями. Угледобывающий трест, управлявший воркутинскими шахтами с пятидесятых годов по девяностые, был создан в сороковых годах параллельно с лагерным комплексом. Хотя его организация, кадры и место внутри государственной бюрократической системы значительно изменились в пятидесятых годах, все-таки многое «на земле» продолжало работать как раньше. Многие социальные практики тоже преодолели водораздел реформ послесталинской эпохи. Структура семей, дворов и трудовых коллективов десятилетиями несл

¹ Работы о ГУЛАГе на севере Европейской части СССР теперь тоже обычно следуют этой схеме, трактуя систему лагерей и колоний как отдельную сущность. См., например: *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997; *Морозов Н. А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР: 1948–1954 годы. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1998; *Упадышев Н. В.* ГУЛАГ на Европейском Севере России. Генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский государственный университет, 2007.

отпечаток влияния лагерного комплекса. Таким образом, Воркута и жизнь ее обитателей с тридцатых годов до конца советской эпохи в чем-то менялись, а в чем-то оставались неизменными.

В этой книге я исследую социальную и экономическую историю Воркуты от основания первого лагерного пункта на берегах реки Воркуты в начале тридцатых годов до первого десятилетия XXI века. Таким образом я пытаюсь пересобрать ее фрагментированную историю. Я изучаю жизненный опыт разных групп, входивших в состав населения города в течение восьмидесяти с лишним лет его существования, — заключенных, ссыльных, бывших заключенных, служащих ГУЛАГа, комсомольцев-добровольцев, демобилизованных солдат и вольных мигрантов. По возможности я стараюсь рассказать истории этих групп через индивидуальные биографии. Нарратив о Воркуте XX–XXI веков — это нарратив и о том, как Советский Союз (и постсоветская Россия) стремились использовать природные ресурсы своих обширных внутренних территорий. Проект превращения Печорского угольного бассейна в ведущий центр угледобычи начался как попытка внутренней колонизации, где заключенные и ссыльные служили принудительными колонистами¹. Хотя стратегия развития в последующие десятилетия значительно изменилась, энтузиазм и стремление преобразовать одну из самых экстремальных природных зон России в современный советский город все же не угасли. Лишь распад

¹ О ГУЛАГе как проекте внутренней колонизации см.: *Viola L. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. New York: Oxford University Press, 2007. P. 4, 185–188 (на рус.: *Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений* / Пер. Е. Осокиной. М.: РОССПЭН, 2010. — *Прим. перев.*); *Viola L. Die Selbstkolonisierung der Sowjetunion und der Gulag der 1930er Jahre* // *Transit-Europäische Revue*. 2009. Bd. 38. S. 34–56; *Eadem. Stalin's Empire: The Gulag and Police Colonization in the Soviet Union in the 1930s* // *Stalinism and Europe: Terror, War, Domination, 1937–1947* / Ed. T. Snyder, R. Brandon. New York: Oxford University Press, 2014. P. 18–43; *Хили Д. Наследие ГУЛАГа: принудительный труд советской эпохи как внутренняя колонизация* // *Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России* / Ред. А. Эткин, Д. Уффельманн, И. Кукулин. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 684–728. В связи с этим географ Джудит Пэллот пишет о «географии пенитенциарности», сложившейся при Сталине и оказавшей долгосрочное влияние вплоть до постсоветской эпохи: *Pallot J. Forced Labour for Forestry: the Twentieth-Century History of Colonisation and Settlement in the North of Perm' Oblast* // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. № 7. P. 1055–1084.

Советского Союза в 1991 году и последующие экономические реформы поставили под вопрос дальнейший рост и само существование города.

Изучая историю СССР через историю одного конкретного лагерного комплекса и города, я показываю многие важнейшие процессы и преобразования советской эпохи с локальной точки зрения. У такого подхода есть и достоинства, и недостатки. Сосредоточив внимание на сравнительно небольшой географической области, можно позволить себе расширить хронологический охват и изучить Воркуту в широком контексте советской и постсоветской истории. В научных монографиях зачастую помещают 1953 год в начало или в конец нарратива о послесталинской или сталинской эре, но здесь смерть Сталина помещена в середину. Это позволяет внимательнее изучить то, как линии преемственности и перемен проникают сквозь рубеж между сталинской и послесталинской эпохами. Тем самым в этой работе я предлагаю новый взгляд на то, как значительно, многомерно и порой непредсказуемо смерть Сталина изменила или не изменила жизни советских граждан. Кроме того, локальная точка зрения позволяет рассмотреть явления и процессы, которые легко упустить, если изучать историю страны или региона. Лучший пример тому — анализ судьбы бывших заключенных после смерти Сталина. Сложно понять, как они адаптировались к жизни на свободе в Советском Союзе, без понимания пронизывавших местную жизнь социальных взаимосвязей и разнообразных неформальных социальных практик. Как показали локальные исследования таких историков, как Стивен Коткин и Кейт Браун, при изучении истории отдельного города или местности можно открыть важные истины о самой сути жизни в СССР¹.

Конечно, объем знаний, которые можно извлечь из локальной истории, серьезно ограничен. В конце концов, Воркута была всего лишь одним из десятков тысяч советских городов. Кроме того, некоторые аспекты ее истории уникальны: отдаленное местоположение, экстремальная природная среда, тот факт, что

¹ *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley: University of California Press, 1995; Brown K. A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.*

ее заселение началось в сталинскую эпоху, и ее тесная историческая связь с развитием обширной системы принудительного труда. Очевидно, Воркуту нельзя считать типичным советским городом. Но благодаря некоторым чертам, придающим Воркуте исключительность, она также является очень ценным объектом исследования, потому что из-за них определенные явления становятся заметнее и понятнее. Например, Воркуту построили глубоко в тундре, где никогда не было постоянного населения, — посреди огромной территории, по которой ненцы-оленьеводы пасли свои стада во время летних перекочевок¹. Благодаря такому местоположению Воркута — хороший пример того, как советские руководители стремились трансформировать пространство путем колонизации и принудительного труда; но это же демонстрирует и пределы возможностей государства на пути к этой цели. С одной стороны, история Воркуты — это история конкретного места. Но если правильно вписать ее в более широкий контекст советской истории, нам откроется немало таких сторон Советского Союза, которые легко упустить в более масштабных исследованиях.

ПРОСТРАНСТВО И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГОРОДЕ ГУЛАГА

В этой книге я не только проблематизирую хронологическую границу между сталинской и послесталинской эпохами, но и пытаюсь по-новому интерпретировать природу пространства и идентичности в Советском Союзе, особенно в тех многочисленных регионах Советского Союза, где важную роль играл ГУЛАГ. В этом отношении моя книга принадлежит к новому научному течению, утверждающему, что ГУЛАГ был куда теснее связан с советским

¹ О «малых народах» Севера и их отношениях с Российской империей и СССР см.: *Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994 (на рус.: *Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малочисленные коренные народы Севера*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — Прим. перев.). Отношения между экспансией ГУЛАГа и коренными народами Советского Союза пока недостаточно изучены (в качестве исключения см.: *Arzyutov D. The Making of the Homo Polaris: Human Acclimatization to the Arctic Environment and Soviet Ideologies in Northern Medical Institutions // Settler Colonial Studies*. 2024. Vol. 14. № 3. P. 180–203. — Прим. научн. ред.).

обществом, чем предполагалось ранее. До девяностых годов большинство историков советского ГУЛАГа обычно следовали подходу Александра Солженицына, примененному им в эпохальной работе «Архипелаг ГУЛАГ». С его точки зрения, ГУЛАГ был другим миром, отделенным от остального Советского Союза рядом «заборов — гнилых деревянных, глинобитных дувалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград»¹. Как только человек становился из свободного заключенным, переходил из одного мира в другой, он уже не имел возможности вернуться назад, по крайней мере до полного и окончательного освобождения. В некотором смысле это были две разные и непересекавшиеся реальности. Как видно из названия его грандиозного труда о ГУЛАГе, если не всегда из конкретных фактов, изложенных на его страницах, Солженицын определял отношение между ГУЛАГом и советским обществом через метафору архипелага: советские лагеря и спецпоселения были островами, отдельными от материка советского общества. Эта метафора ГУЛАГа как «архипелага» оказалась долгоживущей и послужила базовой предпосылкой многих работ о советском терроре и местах заключения².

Но за последние двадцать лет новые подходы и новые источники заставили историков пересмотреть природу ГУЛАГа и его место в советском обществе. В конце восьмидесятых — начале девяностых годов доступ в советские архивы значительно упростился, и исследователи стали открывать о жизни в ГУЛАГе факты, ранее не столь очевидные. Например, из официальных статистических данных ГУЛАГа обнаружилось, что каждый год освобождалось 20–40% населения лагерей и колоний, даже на пике сталинского террора³. Это позволило исследовательнице Гольфо Алексопулос сделать вывод, что ГУЛАГ работал как система «вращающихся дверей» с частыми арестами и частыми

¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 21–22.

² См., например: *Applebaum A. Gulag: A History*. New York: Doubleday, 2003; *Conquest R. The Great Terror: A Reassessment*. New York: Oxford University Press, 1990 (на рус.: *Эпплбаум Э. ГУЛАГ*. М.: Corpus, 2023; *Конквест Р. Большой террор*: В 2 т. Рига: Ракстниекс, 1991. — *Прим. перев.*).

³ *Getty J. A., Rittersporn G. T., Zemskov V. N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review*. 1993. Vol. 98. № 4. P. 1017–1049.

освобождениями¹. Открытие гигантской системы «спецпоселений» для раскулаченных крестьян заставило историков (например, Линн Виолу) расширить концептуальные границы системы, показав, что подобные поселения (которые Виола называет «другим архипелагом») были одним из ключевых ее институтов². Широко используя новые типы источников, такие как личные дела заключенных и документы «культурно-просветительского отдела», Стивен Барнс утверждал, что ГУЛАГ был учреждением, глубоко проникнутым советской идеологией, которая считалась фундаментальным фактором в строительстве советской цивилизации. По его мнению, главнейшим назначением ГУЛАГа была не просто изоляция тех, кого считали врагами, и обеспечение экономики рабским трудом, а возвращение в общество как можно большего числа маргинальных личностей и исключение и уничтожение тех, кого определяли как не поддающихся перевоспитанию³. Уилсон Белл и я отметили, что в лагерных документах и мемуарах упоминаются частые контакты между заключенными и вольнонаемными, и пришли к выводу, что

¹ *Alexopoulos G.* Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. № 2. P. 274. (С тех пор новые исследования скорректировали несколько не критическое отношение к сводной статистике освобожденных из ГУЛАГа, опубликованной в начале 1990-х годов Виктором Земсковым. Выяснилось, что за сотнями тысяч освобожденных скрывались умирающие и смертельно больные. Администрация выбрасывала сотни тысяч «доходяг» умирать за пределы лагерных зон, иногда с целью искусственно занижить показатели заболеваемости и смертности в отчетах, поскольку освобожденные не портили своей смертью статистику. Гольфо Алексопулос оценивает реальное абсолютное число смертей с учетом этих освобождений в 6 миллионов человек. Более низкая оценка — 2,5 миллиона смертей — выдвинута мной в рамках диссертационного исследования (при официальной цифре в 1,7 миллиона умерших заключенных между 1930 и 1953 годами). Кто бы из исследователей ни был ближе к истине, уже очевидно, что ГУЛАГ оказался куда более смертоносной системой, чем предполагалось после частичного открытия архивов в 1989–1991 годах. См.: *Alexopoulos G.* *Illness and Inhumanity in Stalin's Gulag*. New Haven, CT: Yale University Press, 2017; *Nakonechnyi M.* *Factory of Invalids: Mortality, Disability, and Early Release on Medical Grounds in the Gulag, 1930–1953*. Ph.D. thesis, The University of Oxford, 2020; *Idem.* *The Gulag's «Dead Souls»: Mortality of Individuals Released from the Camps, 1930–55* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2022. Vol. 23. № 4. P. 803–850. — *Прим. научн. ред.*)

² *Viola L.* *The Unknown Gulag*.

³ *Barnes S. A.* *Death and Redemption*.

внешние границы ГУЛАГа были гораздо более проницаемыми, чем прежде считалось¹.

В этой книге я доказываю, что ГУЛАГ был тесно связан с советским обществом в целом. По сути, я демонстрирую, что он был неотъемлемой частью этого общества. Я не рассматриваю лагерь и город как обособленные сущности, а исследую гулаговский город как единое целое, подчеркивая экономические связи и особенно социальные отношения. В большинстве работ о ГУЛАГе подчеркивается резкая граница между «зоной» и внешним миром, но в этой книге я ставлю под вопрос мнение, будто колючая проволока и другие барьеры пространственно отделяли мир города от мира лагеря². Территории советских лагерей не всегда были изолированы. В частности, в ранние годы истории лагерных комплексов между зоной и внешним миром почти не было физических барьеров. Границы часто сдвигались, и участки земли легко переписывались из одной категории в другую. Даже прочно утвердившиеся и ясно обозначенные границы регулярно пересекались и заключенными, и вольнонаемными благодаря повседневному практикам ГУЛАГа и особым привилегиям некоторых заключенных. Таким образом, пространственные отношения в гулаговском городе были гораздо сложнее и нестабильнее, чем считалось раньше³.

То же самое можно сказать о социальных отношениях, статусе и идентичности. Негерметичные границы позволяли поддерживать через колючую проволоку личные отношения с то-

¹ *Barenberg A. Prisoners without Borders: Zazonniki and the Transformation of Vorkuta after Stalin // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2009. Bd. 57. № 4. S. 513–534; Bell W. T. Was the Gulag an Archipelago? De-Convoyed Prisoners and Porous Borders in the Camps of Western Siberia // Russian Review. 2013. Vol. 72. № 1. P. 116–141. (Дальнейшее развитие этого аргумента см. в: Bell W. T. Stalin's Gulag at War: Forced Labor, Mass Death, and Soviet Victory in the Second World War. Toronto: University of Toronto Press, 2018. — Прим. научн. ред.)*

² Я использую термин «зона» в соответствии с официальными советскими документами и мемуарами узников ГУЛАГа. См.: *Rossi J. The Gulag Handbook / Trans. W. A. Burhans. New York: Paragon House, 1989. P. 137–138 (на рус.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1987. — Прим. перев.)*

³ Другой пример пространственного подхода к регионам в Советской России: *Baron N. Soviet Karelia: Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939. New York: Routledge, 2007.*

варищами по работе, друзьями, членами семьи и сексуальными партнерами. Хотя существовали и соблюдались правила, нацеленные на ограничение подобных связей, в действительности они были системной и неотъемлемой частью ГУЛАГа. Вслед за российским социологом Владимиром Ильиным я утверждаю, что население гулаговского города входило в сложную социальную иерархию, место в которой определялось обширным набором факторов¹. Как и во всем советском обществе, социальный статус в значительной степени назначался государством². Но другие факторы, включая неформальные социальные отношения и готовность местных властей обходить или игнорировать официальные правила, приводили к тому, что официальные иерархии в значительной мере расшатывались. На практике большинство вольнонаемных жителей Воркуты занимали в социальной иерархии положение, мало отличавшееся от положения большинства заключенных. Заключенные даже могли, хотя и редко, занимать в социальной иерархии более высокое положение, чем большинство вольнонаемных. В гулаговском городе, конечно, существовали иерархии политических, экономических и социальных статусов, и дистанция между верхними и нижними ступеньками иерархии была громадна. Но все-таки система социальных статусов была гораздо сложнее и богаче нюансами, чем простое деление на горожан и заключенных. Итак, в этой книге я стараюсь реконцептуализировать природу идентичности и статуса внутри ГУЛАГа и поселений вокруг лагерных комплексов.

Одна из предпосылок такого подхода к статусу и идентичности заключается в том, что прямолинейное разграничение между вольнонаемными рабочими и заключенными, часто встречающееся в архивных документах, мемуарах и большей части историографии ГУЛАГа, не способно отразить все тонкости социальной структуры лагерных комплексов и окрестных

¹ Ильин В. И. «Город-концлагерь». Социальная стратификация гулаговской Воркуты (1930–50-е годы) // Стратификация в России: история и современность / Ред. Ю. М. Рапопорт. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского государственного университета, 1999. С. 44–70.

² Fitzpatrick Sh. *Tear off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-century Russia*. Princeton: Princeton University Press, 2005. Chap. 4 (на рус.: *Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века*. М.: РОССПЭН, 2011. — Прим. перев.).

поселений. В этой книге я не делю население гулаговского города на «свободных» людей и заключенных, а стараюсь поместить индивидов и группы на непрерывной шкале статусов, от наибольшего уровня свободы передвижения и доступа к товарам и услугам до наименьшего¹. Этот метод основывается на выводах историков Шейлы Фицпатрик и Дональда Фильцера, которые независимо друг от друга утверждают, что при Сталине, в частности с 1940 по 1953 год, практически не существовало «свободного» труда². Поэтому я не делю в этой книге людей на «свободных» и «несвободных», а использую термины «заключенные» и «незаключенные». Даже эти категории слишком просты для описания невероятно сложной социальной структуры, поскольку индивиды и группы внутри этих категорий наделялись многообразными политическими, социальными и экономическими статусами. Но главная линия раздела внутри населения Воркуты проходила между лишенными свободы и сохраняющими ее.

ОТ ГОРОДА ГУЛАГА ДО МОНОГОРОДА

В 1943 году, в разгар Второй мировой войны, начальник Воркутлага Михаил Мальцев инициировал процесс официального преобразования в город маленького поселения незаклученных, выросшего рядом с лагерем. Первоначально городское сообщество существовало скорее в теории, чем в физическом пространстве, но постепенно росло, сохраняя тесную связь с лагерным

¹ Мой подход к идентичности и пространству аналогичен подходу Кейт Браун: *Brown K. Out of Solitary Confinement: The History of the Gulag // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. № 1. P. 78.*

² *Fitzpatrick Sh. War and Society in Soviet Context: Soviet Labor before, during, and after World War II // International Labor and Working-Class History. 1989. Vol. 35. P. 41–47; Filtzer D.A. From Mobilized to Free Labour: De-Stalinization and the Changing Legal Status of Workers // The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era / Ed. P. Jones. London: Routledge, 2006. P. 158; Idem. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 39–40.* В том же духе Ричард Хелли доказывает, что это было частью «третьей революции служилого класса», инициированной Сталиным: *Hellie R. The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model // Russian History. 1977. Vol. 4. № 1. P. 1–22.* Благодарю Эмму Гиллиган (Emma Gilligan) за то, что обратила мое внимание на эту проблему.

комплексом и сильную зависимость от него. Но в пятидесятых годах город начал обретать свои собственные политические и экономические институты, жилые дома и общественные пространства. В то же время лагерный комплекс значительно уменьшился, поскольку массовое освобождение заключенных и радикальный сдвиг в советской пенитенциарной политике оставили от Воркутлага лишь небольшую часть. Итак, на месте бывшего города ГУЛАГа вырос моногород. Во второй части этой книги я изучаю эту трансформацию, начавшуюся в пятидесятых годах, освещаю золотой век моногорода при позднем социализме, заканчиваю рассказ на том, как он почти прекратил свое существование в первые два десятилетия постсоветской России.

Что делало Воркуту советским моногородом? Как и ее аналоги в других частях Советского Союза и даже в США, она представляла собой утопический проект создания рационально спланированной среды, которая должна была исцелить недуги городской жизни и сделать горожан счастливыми и продуктивными¹. Поэтому в пятидесятых годах много внимания уделяли перестройке города по рациональному плану, с широкими бульварами, уютными парками и функциональными современными зданиями. Но, как и с другими советскими моногородами, реализация этого амбициозного плана осложнялась хаосом, дефицитом и традиционной неэффективностью советской командной экономики². Кроме того, новый город был построен рядом с остатками лагерей — колючей проволокой, сторожевыми вышками и вездесущими бараками, ветхими и приземистыми. Хотя планировалось заменить лагерные постройки новыми зданиями, построенными по самым современным методам и технологиям, в реальности лагерные бараки сороковых годов продолжали использовать до девяностых. Трудно было уйти от физического наследия лагерей.

¹ Сопоставление советских моногородов с американскими: *Brown K. Gridded Lives: Why Kazakhstan and Montana Are Nearly the Same Place // The American Historical Review. 2001. Vol. 106. № 1. P. 17–48; Eadem. The Closed Nuclear City and Big Brother®: Made in America // Ab Imperio. 2011. № 2. P. 159–187.*

² Работа Стивена Коткина о Магнитогорске является самым подробным исследованием советского моногорода (*Kotkin S. Magnetic Mountain*). Новейшая работа, в которой подчеркивается связь между индустриализацией и милитаризацией: *Samuelson L. Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk, 1900s — 1950s. New York: Palgrave Macmillan, 2011.*